

Я не по Торе жил, не по Корану,
Своей эпохи не ценил масштабы.
Но сильным мира я не пел осанну
И не смеялся никогда над слабым.

Я верил, что зима сменяет осень,
Что море, несомненно, лучше суши,
Что Бог, конечно, этот мир не бросит,
И Свет придёт в больные наши души.

Что этим миром мир давно заслужен
И что любовь – не вымысел, не байки.
Я верил, что стране любимой нужен
Не только в виде болтика иль гайки.

Наверно, знал, что молодость не вечна.
Но думал – ну какие наши годы?
Когда-то я уверовал беспечно,
Что нету ничего ценней свободы.

Я верил в то, что счастье бродит рядом,
Что мы с годами станем все мудрее.
И лились строчки звонким водопадом,
Мир хоть немного делая добрее.

Казалось, мне диктует кто-то свыше.
И я открыть смогу любые двери...
Но Тот, кто выше нас, – давно не пишет.
Поскольку сам в себя уже не верит.

Коробку с фото старыми возьму –
И сердце затрепещет вновь в азарте.
Где эти фото сделаны? В Крыму.
И в той стране, что нет давно на карте.

А это – Кромань. Лес ночной притих,
Мечты в туман предутренний укутав.
Палатка, общий спальник на двоих.
И звёздный ковш, и сотни ждут маршрутов.

Ждёт Нарочь, Страча, пуши и леса,
И нам не надо никаких Америк.
И ждут в пути из сказок чудеса,
Ждёт ближний плёс, и ждёт далёкий берег.

Нам Визбор про ночную песню шин
Пел песню. И Высоцкий пел про горы.
То было время взятия вершин,
Пора надежд, кухонных жарких споров.

И билось сердце с сердцем в унисон.
За счастьем вслед с тобой брели по лету.
Теперь всё это – как прекрасный сон,
И разметало всех друзей по свету.

Как это было всё давным-давно,
Как наше братство было нерушимо.
Смешное чёрно-белое кино
«Времён Очакова и покоренья Крыма».

Мы пели под янтарною сосной
И новой встречи назначали даты...
Как жаль, друзья уходят в мир иной –
В поход, откуда нет уже возврата.

* * *

Вот и сентябрь на исходе. Суровый, поджарый.
В пальцах озябших упрямо чадит сигарета.
Гроздя рябины во тьме полыхают пожаром.
Это не осень ещё – просто кончилось лето.

Пусть по утрам замерзают от холода травы,
Поздних цветов разноцветье ещё не воспето.
Поздней любви намешает нам осень отраву.
Это не осень пока – просто кончилось лето.

Снова погоды прогноз нам грозит холодами,
Только тепло до сих пор ещё прячется где-то.
Кто там решил, что душа моя скована льдами?
Это не осень ещё – просто кончилось лето.

Может, неделя промчится – и ляжет на травы
Красно-красавый ковёр из цветов бересклета.
Осень у лета своё отбирает по праву.
Только не осень ещё – просто кончилось лето.

Город застыл от дыханья сурового норда,
В небе продрогшем звезда ожидает рассвета.
В песне моей не хватает сегодня аккорда.
Это не осень ещё – просто кончилось лето.

Пусть погребальный сюртук мне скроила портниха,
Только упрямо твержу – моя песня не спета.
Бес мой притих, и в ребре подозрительно тихо –
Это не осень пока – просто кончилось лето.

МЕСТЕЧКО

Там каждый год весной цвели сады –
И белый дым окутывал местечко.
Там сладок вкус колодезной воды,
Там тихий разговор субботних свечек.
Там по утрам концерт вели грачи
На тополе за старой синагогой.
Свои есть мудрецы и ловкачи –
Но все равны пред временем и Богом.
Там вечности отсчёт вели часы –
Их вечно чинит часовщик сутулый.
И гриву, всю седую от росы,
Своей кобыле чистит балагула.

Там в русской печке с чолнтом чугунок,
Там на окошках шторы кружевные.
Там знают все, что бедность – не порок:
Биндюжники, сапожники, портные.
Там тяжело работают за грош –
Но всё же верят в Господа упрямо.
Иврит – для Бога. Дома – «маме лошн».
Тот, на котором в детстве пела мама.
Картинка та теряется вдали:
Мурчит на печке рыжий кот-подкидыш,
И куры сонно роются в пыли,
И даже лошадь понимает идиш.
Ах, эта речь певуча и нежна.
Но все мы здесь – у времени гостями...
А над местечком полная луна
Пьёт тишину из вечности горстями.
И нет ещё предчувствия невзгод,
И нет пока причины для кошмаров...
Но вот – проклятый 41 год,
И яблонь дым сменяет дым пожаров.
И взорвана в июне тишина.
И в тлен ушли – их больше не увидишь.
И никого не пощадила та война –
И даже лошадь, знающую идиш.

МОЛИТВА

Господи, спасибо, что рождён,
И рождён, наверное, в рубaxe.
Ведь страной своей не пригвождён
Ни к столбу позорному, ни к плахе.

Господи, спасибо, что живу,
Что таким Твоею волей создан –
Часто вижу неба синеву
И могу рукой потрогать звёзды.

Господи, спасибо, что иду,
Пусть и в никуда – СВОЕЙ дорогой.
Господи, спасибо за беду
И за счастье – хоть его немного.

Господи, спасибо за стихи,
Что приходят и зимой, и летом.
Господи, прости мои грехи –
То, что возомнил себя поэтом.

Господи, спасибо за любовь,
Что разлита в жизненном пространстве,
Что ещё влюбляюсь вновь и вновь –
Хоть, конечно, счастье в постоянстве.

Господи, спасибо за мечту,
И за то, что ярко солнце светит,
Что послал Ты мне когда-то ту,
Ставшую единственной на свете.

Господи, спасибо за друзей
И за то, что их не так-то много.
Не беда, что нет среди них ферзей –
Но зато у нас одна дорога.

Господи, спасибо за пути,
Пусть, конечно, неисповедимы.
За неверье, Господи, прости
Глупого седого пилигрима.

РЕКА

Река плывёт куда-то за закат,
День провожает птичье песнопенье.
Я жил то второпях, то невпопад,
И плыл туда, куда несло течение.

Плывут в края иные облака –
А я останусь в этой глухомани.
Я не по нотам пел наверняка,
Бродил по жизни ёжиком в тумане.

За ближним лесом ухает сова –
Кого – пугает, а кому – пророчит.
Вступает ночь уже в свои права –
Я тоже полноправный житель ночи.

Ночь солнце запирает на засов,
В своё всесилье веруя беспечно.
Мне шепчет лес на сотню голосов
О счастье. И ещё о чём-то вечном.

А ночью сосны плачут янтарём.
Но лес, как и Москва, слезам не верит.
Я шёл по жизни вечным бунтарём
И бился лбом в незапертые двери.

Пусть звёзды с изумлением глядят –
Но я не поддаюсь уже лечению.
Нам завтра плыть. И нет пути назад.
И что с того, что снова по теченью?

Уже луна исчезла вдалеке,
И звёзды в небе тают постепенно.
Нам снова плыть куда-то по реке,
Затерянной навечно во вселенной.